

ГРАММАТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена переводоведческим проблемам грамматической структуры поэтического дискурса. В статье рассмотрены прототипические коммуникативные ситуации интродуктивной, вторичной и экземплярной референции на примере переводов русских поэтов на другие языки.

The article reviews translation problems related to the grammar structure of poetic discourse. The author analyses prototypical communicative situations on the examples of translations from Russian poetry.

В свое время Р.О.Якобсон высказывал сожаление о «невозможности воспроизвести грамматический строй переводимого стихотворения» (Якобсон 2001: 525). Говорил он о переводах с русского языка на чешский, и, видимо, в этом случае стремление переводчика к дословному копированию оригинала преобладало именно в силу близости языков. Возможно, переводчик вынужден был бы искать большего приближения к замыслу автора, если бы язык перевода был более далек от русского.

Но настолько ли невозможно воспроизвести грамматический строй переводимого стихотворения? Или в поэтическом переводе все же воспроизводится грамматика исходного языка в каком-то виде и в какой-то мере?

Материал параллельных переводов поэтических текстов демонстрирует как раз то, что грамматическая партитура, на уровне глубинных универсальных смыслов, при переводе сохраняется практически в неизменном виде. Примем в качестве постулата то, что существует три вида грамматики: 1) грамматика полная, универсальная, глубинная, концептуальная; 2) грамматика явная, категориальная, формализованная и 3) грамматика скрытая, латентная, коллокативная, контекстуальная. Полная грамматика включает проявления одного грамматического концепта, языковое кодирование прототипической коммуникативной ситуации, во-первых, как в явном, так и в неявном виде, а во-вторых, как в отдельном языке, так и во всех языках в целом. В реальном дискурсе грамматическая концептуализация проявляется в комплексном грамматическом действии, которое может включать формальные средства и менее формализованные синтаксические конструкции, сочетаемостные аспекты лексических единиц, взаимодействие

лексики и грамматики, контекстуальные элементы. При перекодировании (переводе, либо пересказе) грамматический концепт не исчезает, его выражение перераспределяется между средствами контекстуального комплекса переводящего, либо того же самого (перефразирующего) языка.

Параллельные переводы из сферы поэтического дискурса, имеющиеся в нашем распоряжении, весьма различны в плане образом, далеко не все из них могут быть признаны удачными с точки зрения передачи общего художественно замысла автора оригинального стихотворения и т.д. В то же время эти параллельные тексты проявляют удивительное единообразие в отношении грамматической части партитуры текста. Вот, например, перевод известного фрагмента «РУСЛАНА И ЛЮДМИЛЬ»:

(1) У лукоморья дуб зеленый, Златая цепь на дубе том. И днем, и ночью кот ученый Все ходит по цепи кругом. (Пушкин)	There's a green oak by the bay, on the oak a chain of gold: a learned cat, night and day, walks round on that chain of old: (tr. A.S.Kline)
---	---

В данном примере поэтический дискурс представлен на примере поэтической сказки (сказания). Сказка, как известно, является прототипом нарративного текста вообще. Именно в тексте сказки наиболее отчетливо проявляются прототипические коммуникативные (дискурсивные) ситуации интродукции (введения основных термов) и повторной референции. Протипическая ситуация универсальна, средства же комплексного грамматического действия специфичны для каждого языка (или типа языков) в отдельности. В русском языке интродуктивный прототип не имеет категоризованного формального выражения, как в языках с артиклевыми формами имени. В то же время, контекстуальные и коллокативные средства (в устном дискурсе в сочетании с просодическими средствами) выражают интродуктивность настолько явно, что независимые переводчики на любые артиклевые языки распознают данный прототип и «реагируют» соответствующим формальным средством в переводах:

(2) *Есть в мире сердце, где живу я* (Пушкин)

англ. *There beats a heart wherein I dwell!!!* немецк. *die Welt besitzt ein Herz noch, wo ich wohne!!!* франц. *il est au monde un cœur Où je vis/ Un cœur où vit encore ma viell* итал. *c'è ancora un*

cuore ove son viva/ vi è nel mondo un cuore, nel quale io vivoll
венгерск. *S még élek én egy tiszta szívben.*

Прототипическая ситуация интродуктивности стоит на грани дискурса устного и письменного, на грани типа речи *Besprechung* (Weinrich 1997: 18-21) или плана *discours* (Бенвенист 1982: 271) и типа речи *Erzählung* или плана истории. Первый тип высказываний (назовем его *дискурсив*) исторически первичен по отношению ко второму (назовем его *нарратив*). Нередко нарративный монолог (от сказки до романа), вслед за М.М.Бахтиным, рассматривают как автономизированную реплику диалога читателя и писателя. Действительно, инициаль сказки во многих лингвокультурах несет на себе печать исходной диалогичности:

(3) *И Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия один купец, у которого водились деньги».*

(4) *«Знай, о дочь моя, – сказал везирь, – что один купец обладал богатством и стадами скота...»*

(5) *«Рассказывают, о счастливый царь, что одна птица полетела и поднялась ввысь, а затем опустилась на скалу посреди воды, а вода была текучая» (Книга 1001 ночи).*

Таким образом, прототипическая ситуация интродукции (как, вероятно, и другие коммуникативные прототипы) определяется прагматикой коммуникации, структурой и участниками дискурсивного взаимодействия. Действительно, коммуникант, позиционирующий себя в дискурсе через координаты Я–ЗДЕСЬ–СЕЙЧАС, «иллокутивно вынужден» (выражение А.Н.Баранова и Г.Е.Крейдлина) противопоставлять себя другому участнику дискурсивного взаимодействия, вместе же дискурсанты противопоставляют себе третьему или теме, описываемому фрагменту действительности либо ситуации. Позиционирование коммуникантов – опять же с необходимостью – вынуждает появление категорий множественности, положения в пространстве, временной соотнесенности, информативной новизны, направленности рассмотрения действия с точки зрения производителя либо объекта и т.п.

В интродукции один из коммуникантов (исполняющий роль отправителя сообщения) вводит новый для другого коммуниканта (получателя сообщения) терм, нового героя, новый объект и т.п. новую тему для последующего разговора. Интроду-

цируемый терм рематичен, но в дальнейшем становится темой и употребляется в прототипической ситуации вторичной референции:

(6) «... **тот купец** оставил им большое состояние...»

(7) «А жил **этот купец** в деревне, и у него...»

(8) «И так **она** летала, пока не увидела поток <...> И **она** улетела, ища места...» (Книга 1001 ночи).

Прототипическая ситуация вторичной референции связана с анафорическими, ретроспективными отношениями в дискурсе. Высказывания с вторичной референцией в артиклевых языках включают в себя определенно-артиклевую форму имени. В безартиклевых языках (например, в русском) вторичная референция обслуживается периферийной грамматикой, отдельные элементы которой могут считаться прото-артиклями (примеры 6-7 с определенными и 3-5 с неопределенными протоартиклями).

С неопределенно-артиклевой формой связана еще одна прототипическая ситуация, которую можно было бы назвать ситуацией репрезентации (один из множества). Намек на эту сторону семантического потенциала неопределенного артикля видим в примере (4). Следует сказать, что в диахроническом плане этот прототип не сразу связывается с неопределенным артиклем, за исключением дискурсивных единств, подобных приведенному примеру: *Жил-да-был один царевич* (интродукция с протоартиклем в русском), но не: **Он был один царевич* (репрезентация класса царевичей), впрочем, возможно: *Он был один из (многих) царевичей, которые...* (экземплярная репрезентация). В нашем распоряжении имелись переводы библейских текстов на венгерский язык, сделанные в разные исторические периоды. Венгерский язык не так давно грамматизировал неопределенно-артиклевые формы имени, и тексты предшествующих исторических периодов показывают, что репрезентативный прототип не сразу стал полностью обслуживаться неопределенно-артиклевой формой, предпочитая артикль нулевой (Кашкин 2001: 80-95). Подобные тенденции наблюдались и в истории современных артиклевых языков (в английском и т.п.), и, например, в болгарском языке, где функциональный потенциал неопределенно-артиклевых форм сейчас находится в стадии формирования:

(9) *Как мимолетное виденье* (Пушкин)

англ. *A glimpse of perfect womanhood* // венгерск. *Tünékeny,*

немецк. <i>Ein rasch entfliegend Wunderwesen</i> //	франц. <i>Telle une fugitive vision</i> //	итал. <i>come una visione fugace</i> //		<i>édes látomás</i> //	болгарск. <i>като внезапно озарение</i>
---	--	---	--	------------------------	---

(10) *И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, – / Такая пустая и глупая шутка...* (Лермонтов)

англ. <i>Is simply an empty and rather a second-rate joke</i> //	немецк. <i>Ist nicht als ein Scherz nur, so leer und so nichtig</i> //	итал. <i>È un tal vuoto e stupido scherzoll</i>		болгарск. <i>Бил толкова празно и глупава неща</i>
--	--	---	--	--

Несмотря на различие способов интерпретации, все переводы сохраняют глубинную дискурсивную ситуацию репрезентативной референции, ср. также французский перевод с неопределенным прилагательным (полуартиклем): *La vie est quelque chose et stupide et bouffon*. Функциональная эквивалентность средств интерпретации коммуникативного прототипа свидетельствует об универсальности самой прототипической дискурсивной ситуации.

Универсальность прототипической ситуации прослеживается и в темпоральной структуре дискурса. Позиционирование коммуникантов в дискурсивном взаимодействии вынуждает появление и таких категорий, также мотивированных прагматикой коммуникации, как одновременность, предшествование, следование. Обратимся к прототипической ситуации, которая традиционно связывается с формами презентного перфекта в тех языках, где таковые имеются в явной грамматике (Кашкин 1991: 44-47).

Прототипическая ситуация перфектности включает такое презентное состояние коммуниканта (ЗДЕСЬ–СЕЙЧАС), которое им (либо объектом в его поле зрения или влияния) достигнуто в результате изменений предшествующего состояния (ТАМ–ТОГДА). Именно два этих плана соединились первоначально в дискурсивном единстве, а затем в синтаксической конструкции и, наконец, в комплексной (аналитической) форме: англ. *have* (ЗДЕСЬ–СЕЙЧАС) + *Had* (ТАМ–ТОГДА), итал. *essere* (ЗДЕСЬ–СЕЙЧАС) + *Xto(ta/ti/te)* (ТАМ–ТОГДА), рус. *у меня* (ЗДЕСЬ–СЕЙЧАС) + *Хн(о/а/ы)* (ТАМ–ТОГДА) и т.п. (приведены не все варианты форм и конструкций).

Перфектный ситуативный прототип исторически и прагматически относится к сфере дискурсива (*Besprechung, discourse*: презентное обговаривание релевантных для дискурсантов

элементов прошлого опыта), но занимает промежуточное положение между презентностью и претеритальностью. В отдельных языках и в отдельных фрагментах дискурса поэтому возможен выбор формы претерита либо презенса для интерпретации данной ситуации, с контекстуальным восполнением смысла, либо без него. Возможно и «распределенное» выражение перфектности (11) в дискурсивном единстве двух высказываний: одного в претерите (действие ТАМ–ТОГДА), другого же в презенсе либо футуруме (состояние либо его необходимость ЗДЕСЬ–СЕЙЧАС). Между этими двумя полюсами располагаются разнообразные трансформации прототипического перфектного высказывания, кодирующие различные аспекты или фазы прототипа. Двойственность перфекта предопределяет неизбежное развитие функционального потенциала его формы в сторону нарратива (итальянский, французский, русский).

Кстати, «распределенной» по дискурсу может быть и неопределенность. Так, в текстах сказок о животных, когда носитель типичных качеств (лиса – хитрости, осел – глупости, волк – жестокости и т.п.) воспринимается как персонализированный герой, весьма часто терм, обозначающий персонаж, даже в интродукции вводится в определенно-артиклевой форме: итал. *C'era una volta il lupo* 'Жил да был однажды (тот) волк'. При этом неопределенность сохраняется в рамках дискурсивного единства или высказывания в целом: *una volta* 'один раз'. Аналогично употребление уникалий, типа *солнце*, *луна* (итал. *il Sole*, англ. *the Moon* и т.п.). В случае уникалий мы имеем дело с внетекстовой анафорой, ссылкой на обобщенный человеческий опыт. Интродукцией, первичным введением в дискурсивный опыт, например, солнца, можно было бы признать фразу творца мира (для тех, кто в него верит): *Пусть будет (одно) солнце!* Все дальнейшие тексты и устные дискурсы ссылаются на уже интродуцированный объект.

«Распределенная» по тексту перфектность наблюдается в дискурсивных единствах типа Я СДЕЛАЛ, (И) У МЕНЯ ЕСТЬ; Я СДЕЛАЛ, (И/А) Я ДЕЛАЮ/ДОЛЖЕН БУДУ ДЕЛАТЬ; МНЕ СДЕЛАЛИ, (И/А) У МЕНЯ ЕСТЬ; МНЕ СДЕЛАЛИ, (И/А) Я ДЕЛАЮ/ДОЛЖЕН БУДУ ДЕЛАТЬ, то есть, в сочетании высказывания в претерите с высказыванием, описывающим последствия в презенсе либо в футуруме (модальном презенсе). В следующем примере видно, что переводчики на разные языки в своих интерпретациях перфектного прототипа акцентируют тот, либо иной момент

перфектной ситуации (предшествующее действие «придания тела» лирическому герою, приводящее к изменению состояния отправителя сообщения и необходимости «что-то делать с ним», т.е. с телом):

(11) *Дано мне тело* (дативный результатив) – *что мне делать с ним,*

Таким единым и таким моим? (Мандельштам)

What shall I do with this body they gave me (претерит с дативом, здесь мы наблюдаем дискурсивное единство претерита с футурумом, кодирующее две фазы перфектного прототипа раздельно, в двух минимальных высказываниях),

so much my own, so intimate with me? (tr. A.S.Kline)

I have a body (презентный посессив) – *what with it to do,*

So one and so my own? I wish I knew. (tr. Ye.Bonver)

Un corps m'est échu (дативный пассив). *Qu'en ferai-je enfin* (футурум),

Tellement entier et tellement mien ? (tr. H.Abril).

Некоторые из трансформ перфектного прототипа включают момент наблюдения результата, в них присутствуют глаголы восприятия вместо посессивных; *я вижу* (+ другие глаголы подобной семантики) *сделанное*:

(12) *На стекла вечности уже легло*

Мое дыхание, мое тепло. (Мандельштам) (в оригинале условно неперфектный русский язык описывает ситуацию через глагол действия с адвербиальным детерминантом уже в сочетании с именами дыхание и тепло, соотносимыми с планом прошлого; данные имена «стоят в прошедшем времени» – это эффект, достигаемый именно в дискурсе)

On glass of the eternal one can see

The signs of breath and of the warmth of me. (tr. Ye.Bonver) (интересно, что оба английских переводчика выбирают глагол восприятия «результата дыхания»: *The signs of breath*)

My living warmth, exhaled, you can see,

on the clear glass of eternity. (tr. A.S.Kline) (в этом переводе «след» предшествующего действия сохраняет семантика причастия *exhaled*).

«Видимость» результата может передаваться и указанием на него. Во французском и итальянском весьма распространена экзистенциально-демонстративная конструкция:

(13) *Вот вы вернулись в Россию* (Тургенев);

франц. <i>vous voilà rentré</i> <i>en Russie</i> ; итал. <i>eccovi</i> <i>tornato in Russia</i> ;	англ. <i>You have returned to Russia</i> ; нем. <i>Sie sind zurückgekommen</i> и т.д.
---	--

(14) Ты **вернулся** сюда, – так глотай же скорей
 Рыбий жир ленинградских речных фонарей.
 (Мандельштам)

Hâte-toi d'avalier, que voilà revenu,
Les lanternes et leur huile de foie de morue. (Ph.Jaccottet).

Перфектный смысл в дискурсе может передаваться через отглагольное имя, содержащее семантику либо глагольного действия, либо последующего состояния. Принадлежность отправителю сообщения может передаваться маркерами посесивности, перфектные смыслы дополнительно могут быть переданы адвербиальными детерминантами; *мое* (имя действия/качества) + *стало* + *уже* (+другие):

(15) Я от жизни смертельно устал,
 Ничего от нее не приемлю... (Мандельштам) (в оригинале наблюдаем дискурсивное единство претерита в перфектной функции и презенса, отражающего состояние-последствие перфектного действия)

франц. *Ma fatigue* (досл. «моя усталость») *de vivre est mortelle*
Et je ne veux plus rien de la vie... (tr. H.Abril) (во французском переводе А.Абриля сохраняется вторая часть дискурсивного единства, первая же перекодируется в форме имени «усталость»).

Одним из средств передачи части смыслов перфектного прототипа в дискурсе может служить причастие (без презентного глагола, как в форме или конструкции), присоединяющееся к общей предикации высказывания:

(16) И день сгорел, как белая страница:
 Немного дыма и немного пепла! (Мандельштам)
Et que, page brûlée, le jour s'achève:
Juste un peu de fumée, un peu de cendre ! (tr. H.Abril).

Причастие в неперфектных языках входит в состав результата, аналитической конструкции с перфектным смыслом:

(17) Но продуман распорядок действий, (связочный глагол *быть* в русском опущен)
 И неотвратим конец пути. (Пастернак)

But the plan of action is determined, (в английском переводе сохраняется пассивный результатив, вероятно, из-за безличности исполнителя действия)

And the end irrevocably sealed. (tr. L.Pasternak Slater)

But, the predestined plot proceeds. (в этом английском переводе причастие сочетается с основной предикацией и сохраняет смысл перфектного прототипа)

I cannot alter the direction of my path. (tr. A.Kneller)

But the order of the acts has been determined, (пассивный перфект)

And the ending of the journey cannot be averted. (tr. E.Rowe)

Mais on a fixé l'ordre des scenes (досл. 'установили порядок действий', здесь собственно перфектная форма, но в безличном виде)

Et fatale est l'issue de chemin. (tr. H.Abril).

Лексическое значение некоторых глаголов даже в форме презенса позволяет им выражать перфектные смыслы. Это возможно в высказываниях с глаголами презентно-перфектной семантики типа *я прихожу++*; *я знаю/не помню++*, в глаголах с перфективирующими формантами:

(18) *Я вернулся в мой город, знакомый до слез*, (Мандельштам)

Je retrouve ma ville, connue jusqu'au sang (Ph.Jaccottet) (досл. 'снова нахожу').

В интерпретации перфектной ситуации презенс возможен и в том случае, если в высказывании или в дискурсивном единстве перфектный результат представлен как презентное состояние или действие, являющееся последствием или продолжением antecedента, часто с соответствующим адвербиальным детерминантом в рамках контекстуального комплекса, *я (более не/вот уже/еще++) делаю*:

(19) *Я кончился, а ты жива.* (Пастернак)

Je ne suis plus, tu vis pourtant. (tr. H.Abril).

Трансформационный потенциал дискурсивного прототипа, универсального смыслового континуума, фактически, является и континуумом возможных средств перевода. Переводное высказывание использует либо средства явной, либо средства периферийной, скрытой грамматики. Это позволяет переводчику в необходимых случаях варьировать свой грамматический выбор, кодируя прототипическую ситуацию в целом через какую-

то ее часть, перераспределяя прототипические смыслы в рамках грамматико-контекстуального когмплекса, а также шире – в рамках дискурсивного единства. Например, грамматическая метонимия перфектности может включать такие модели как «предшествующее действие + последующее состояние отдельно», «последующее состояние с подразумеваемым, либо выводимым предшествующим действием», «фаза завершения действия» и т.п.

Не случайно, видимо, Р.О.Якобсон выбрал эпиграфом своей знаменитой статьи «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» строки Мандельштама: *И глагольных окончаний колокол / Мне вдали указывает путь*. Точкой отсчета дискурсивного времени является коммуникант, но он же осуществляет проспекцию и ретроспекцию. Маркерами «пути» коммуниканта по дискурсивному полю служат глаголы и другие темпоральные маркеры. Якобсон пишет о «путеводной значимости морфологической и синтаксической ткани» (Якобсон 2001: 525). Такими же маркерами в информационном поле дискурса служат артиклевые формы и другие средства обозначения неопределенности/определенности. Артиклевые формы обозначают направление ментального движения по текстовой партитуре (катафора и анафора, проспекция и ретроспекция) и вне текста (обобщение, внетекстовая анафора, ссылка на обобщенный опыт).

Перевод – лишь одна из разновидностей межъязыковых контрастов, в которых прототипическая коммуникативная ситуация проявляется как универсальная основа вариативности. Исследование грамматической партитуры стихотворного дискурса позволяет сделать выводы не только в отношении языка и стиля поэзии. Фактор рифмы и ритма, побуждающий переводчика искать варианты-трансформы с сохранением глубинной временной структуры, темпоральных, таксисных и аспектуальных отношений, информативной структуры и коммуникативной перспективы высказывания, что доказывает наличие самой этой глубинной основы, позволяет исчислить варианты поверхностного воплощения глубинных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Кашкин В.Б. Функциональная типология перфекта. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 128 с.

3. Кашкин В.Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. – 255 с.
4. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С.525-546.
5. Weinrich H. Tempus: Besprochene und Erzählte Welt. – Stuttgart, 1977. – 428 с.

Источники

1. Книга тысячи и одной ночи. – Т.1. – М.: ГИХЛ, 1958. – 384 с.
2. Мандельштам О. Стихотворения: на французском языке с параллельным русским текстом. – М.: Радуга, 1991. – 200 с.
3. Пастернак Б. Стихотворения: на французском языке с параллельным русским текстом. – М.: Радуга, 1989. – 296 с.
4. Пушкин А.С. Избранные творби / Пр. И.Теофилов, П.Велчев, Г.Джагаров, Г.Ленков, Л.Любенов, К.Константинов. – София: Народна култура, 1984. – 386 с.
5. Pusckin A. Gesammelte Werke / Th.Commisschau, M.Remané, W.E.Groeger, H. von Gaertringen, Fr.Bodenstedt, Fr.Fiedler, K.Jaenisch, S. von Radecki. – Berlin; Weimar: Aufbau Vg, 1964. – 524 с.
6. Pouchkine A. Œuvres Complètes. – Т.2. – œuvres poétiques / Tr. L.Aragon, J.-M.Bordier, N.Nassakina, L.Martinez, H.Grégoire, A.Piot, J.-L.Moreau, E.Mestscherski, G.Pérot, A.Markowitsch, C.Ernoult, W.Bérélowitsch, M.Colin, C.Mendès. – Lausanne: L'âge d'homme, 1981. – 696 с.
7. Pouchkine A. Œuvres choisies / Tr. A.Lirondelle. – P.:La Renaissance du livre, 192?. – 128 с.
8. Pusckin A. Lirica / Tr. E. lo Gatto. – Firenze, 1968. – 224 с.
9. Pushkin – Lermontov – Tyutchev. Poems / Tr. V.Nabokov. – L., 1947. – 266 с.
10. (The Works of) A.Pushkin / Tr. T.Keane, B.Deutsch. – N.Y.: Random House, 1936. – 336 с.
11. http://lib.chelni.ru/POEZIQ/MANDELSHTAM/tristia_engl.php
12. <http://www.learningrussian.com/library/mandelshtam/>
13. <http://webcenter.ru/~abril/mandelstam.htm>
14. <http://www.tonykline.free-online.co.uk/Mandelstam.htm>
15. <http://etext.virginia.edu/cyrillic/mandelstam/>
16. <http://users.ox.ac.uk/~ball0852/html/mandelst/node1.html>
17. <http://udonet.donpac.ru/bibl/PASTERNAK/verses.html>
18. <http://www.pcpages.com/hamlet/rus/h-pasternak.htm>
19. <http://www.learningrussian.com/library/pasternak/>
20. <http://home.olemiss.edu/~djr/pages/translator/russian/pushkin.html>

Получено 10.12.2004 Воронежский государственный университет